

Сергей Дворцевой: «Из живой крови создать произведение искусства»

СКН: Вы пришли в кинематограф в начале 90-х, на сломе двух эпох. Сложно было войти в профессию в это время?

Сергей Дворцевой: Мне просто повезло. Моя ситуация, скорее, исключительная, нежели нормальная. Для тех, кто со мной учился на Высших режиссерских и сценарных курсах, вход в профессию был гораздо сложнее. Я практически не имел опыта работы в советском кино. Я не знаю, как это было тогда, в советское время – легко или трудно. Получилось так, что с первого фильма у меня всё пошло. Это не значит, что легко, как думают многие. У меня было около 20-ти наград за фильм «Счастье», и только после этого ко мне подошел первый продюсер, не в России, а где-то там, на Западе. Все было, скажем так, относительно легко. На самом-то деле все было сложно.

СКН: Хорошую профессиональную подготовку дают Высшие курсы?

С.Д.: Я могу ответить – да, хотя на этот счет существуют разные мнения. Мне Курсы дали очень многое. Я же закончил авиационное училище и радиотехнический институт. И это была настоящая академическая школа. Когда я поступил на курсы, подумал: «Только бы здесь меня не начали снова мурыжить, как в институте – учить, ставить оценки и так далее...». Я уже был взрослый человек, и мне было неинтересно этим заниматься. А курсы чем оказались хороши? Там была абсолютно другая атмосфера. Не знаю, сумеют ли курсы её сохранить. Главное было в том, что тебя никто ничего не заставлял делать. Ты мог выбирать. Никто не заставлял ходить на лекции, на просмотры, семинары. Хочешь – ходи, хочешь – нет. Если у человека было желание, он многое мог почерпнуть. Желание нужно было иметь. Может быть, мне было особенно интересно учиться на курсах потому, что я не имел гуманитарного образования, не занимаясь никогда искусством, кино и даже фотографией. Поэтому курсы для меня были таким открытием. А для людей более подготовленных – нет. Но я думаю, что зерно просто должно попадать в почву благодатную. Когда почва подготовлена, зерно прорастает.

СКН: Для фильма «Счастье» вы сами выбирали тему, материал?

С.Д.: Абсолютно сам выбирал, никакого давления не было. «Счастье» было сделано на 75 % на спонсорские деньги. Человек, бизнесмен, просто сказал мне: «Возьми, тебе трудно будет найти деньги на фильм, ты же студент». Даже не знаю, где он сейчас. А 30 % денег дала студия «Казахфильм», государственная структура. «Счастье» – это симбиоз того тради-

ционного советского кино, которое снизилось на «Казахфильме», и спонсорства. В начале 90-х «Казахфильм» продолжал оставаться обычной советской студией. Чтобы получить коробку пленки, нужно было собрать десять подписей. Я потратил огромное количество времени и сил на взаимоотношения с «Казахфильмом»: на подписи, утряску несущественных пунктов договора, на споры. Старая система была ужасно неповоротлива, в то время как у спонсора я мог получить все, что нужно, одним росчерком пера.

СКН: То есть вы все-таки столкнулись с советской системой во время съемок фильма «Счастье»?

С.Д.: Да. И, Слава Богу, что основные деньги были от спонсоров. Спонсор говорил: «Что хочешь, то и делай, как хочешь, так и делай». Он знал, что не вернет деньги, потому что фильм – студенческий. Он не ожидал никаких призов. Как мне позднее сказал его заместитель: «Мы вообще думали, что ты сбежишь». Поэтому, когда фильм получился, для них это было сверх ожиданий. У меня же была полная творческая свобода.

СКН: Итак, Вы выбираете систему спонсорского кино?

С.Д.: У меня были идеальные спонсоры. Я понимаю, что сейчас уже возник другой тип спонсорской системы. И сейчас не дают деньги просто так: «Иди и снимай». Тогда был начальный этап. Инерция слова «кино» была еще высока. Сейчас таких спонсоров нет. Мне больше ни разу не говорили: «Возьми деньги. Снимай, что хочешь». Сегодня у меня уже другие источники финансирования.

СКН: На ваш взгляд, кино 90-х было интересным?

С.Д.: Думаю, да. Когда я заполнял анкету, вспомнил много интересных картин.

СКН: Можно ли по этим фильмам почувствовать время?

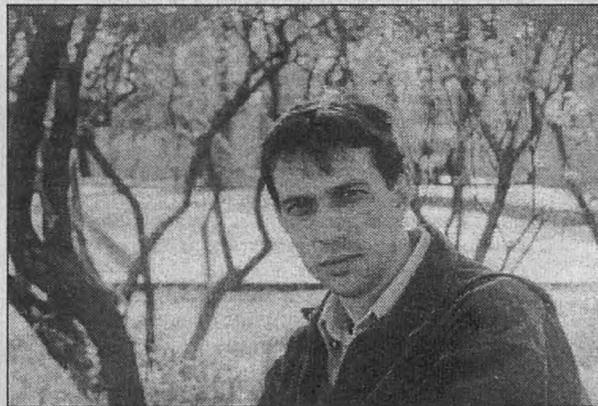
С.Д.: Документальные фильмы это время отразили. В какой-то мере, естественно. В позапрошлом году я был на фестивале в Японии, слышал, как тайваньские режиссеры, у которых случилось страшное землетрясение, говорили: «Мы должны зафиксировать это время». Они непременно снимут цикл картин об этом бедствии. У нас, к сожалению, я не встречал такого, чтобы сами режиссеры стремились зафиксировать событие, создать большую цикл о времени.

На самом деле, 90-е – уникальное десятилетие, и вряд ли нечто подобное когда-нибудь повторится. Естественно, любое время уникально, но 90-е – особен-

но. И, в принципе – это беда, что не произошло осмысления этой эпохи в художественном документальном образе. Были отдельные яркие фильмы. Они составят какую-то картину 90-х. Я сам жалею о том, что давно собирался, но так и не снял документальный фильм о Москве ельцинского времени. По разным причинам откладывал, откладывал – и все: время уже ушло. Никто не снял масштабного фильма об этой эпохе. Я хотел, чтобы это была хроника, не какая-то сенсационность – всегда есть желание увлечься чем-то сенсационным – а жизнь, повседневная жизнь. Вне сенсационности снять о времени – сложно. Но именно этого и не хватает.

СКН: А что в повседневной жизни можно было бы зафиксировать?

С.Д.: Для меня уникальность этого времени заключается в том, что были сняты ограничения, и возникла страшная смута, в которой проявились крайности

добра и зла, крайности красивого и ужасного. Такое странное время. Оно рождало иногда какие-то выдающиеся и какие-то кошмарные вещи. Подобное происходило в любой сфере жизни, в любой части России.

Мы сейчас стали на рельсы западного телевидения. Мы живем по законам денег, значит, следуем в том направлении. Неслучайно сегодня у нас снимаются «мыльные» сериалы. Я часто бываю на Западе, знаю западное кино, много смотрел документальных фильмов. Я понимаю, куда все движется: к стандартному телевизионному европейскому кино. В лучшей степени оно развито в Англии, хуже – в Германии. Это кино, которое к искусству отношения не имеет. В нем нет маневра для искусства. Они сами об этом говорят. Это журналистика, может быть, публицистика.

СКН: От кого же ждать шедевров?

С.Д.: Сейчас в документальном кино остались две сильные школы – русская и

польская. Интересное кино можно ждать от людей из этих стран.

В 90-е годы была сильна инерция советского времени. Часто смотришь фильмы последнего десятилетия и не понимаешь, для кого они сняты. И по языку кино, и по форме, и по проблематике. Почему на пленке, не на видео? Сейчас эта инерция заканчивается, потому что денег дают все меньше. Сегодня явно прочерчивается линия нового телевизионного документального кино. Это фильмы, которые очень близки к публицистике. В этом ничего плохого нет. Но неигровое кино все дальше уходит от искусства.

СКН: Много ли было искусства в советском документальном кино? В 90-е возник какой-то провал или отрыв?

С.Д.: В арт-кино, в авторском кино не было провала. Оно живет по своим законам. Есть талантливые люди, они появляются регулярно, хаотично. Бывают волны, всплески. «Французская волна» и тому подобное. Мне кажется, что авторское кино существует независимо от основного процесса.

СКН: То есть среда, контекст, процесс для арт-кино не важны?

С.Д.: Важны.

СКН: А как среда, процесс можно сейчас почувствовать? Раньше были студии, профессиональные коллективы...

С.Д.: Я не работал в таких условиях. Сейчас среду можно почувствовать только на просмотрах, фестивалях, в частности, здесь, в Союзе кинематографистов.

СКН: Союз помогает?

С.Д.: Я могу здесь посмотреть фильмы, могу назначить встречу, провести переговоры.

СКН: Важна клубная деятельность?

С.Д.: В том числе клубно-профессиональная. На Западе нет такого. Они пытаются их организовывать. У нас в документальном кругу работа Комитета по неигровому кино эффективна на 100%. Если ли бы еще кто-то помогал нашему консультанту Рите Черненко, которой я бесконечно благодарен, было бы еще лучше. Показы, которые организуются в Белом, Малом, видео-зале Союза кинематографистов и Дома кино, дают реальное ощущение процесса и среды. Для любого человека и для меня важно, чтобы появлялось как можно больше талантливых фильмов. Должно быть место, где их можно увидеть, показать, потому что – это энергетическая подпитка. Приятно видеть талантливое. Важно, когда это есть вокруг.

СКН: Мобильность – вот – 12 окт.